

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ДИСКУРСА

Бажалкина Н.С.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10а, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье методом критического анализа теоретической литературы предпринимается попытка выявить соотношение понятий *текст* и *дискурс* в современном языкознании, а также определить, какое место занимает текст в системе дискурса. Указываются различные подходы к изучению дискурса во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах анализа дискурса, обусловившие сложности в понимании того, как соотносятся понятия *текст* и *дискурс*. Акцентируются свойства текста, позволяющие ему входить в качестве обязательного элемента в систему дискурса. Выделяются общие черты, присущие и тексту, и дискурсу, а также характеристики, определяющие разницу в этих явлениях.

Ключевые слова: дискурс, текст, система, коммуникативная единица, коммуникативная функция.

TEXT IN THE DISCOURSE SYSTEM

N. Bazhalkina*Moscow State Regional University
Radio St., 10a, Moscow, Russia, 105005*

Abstract. The article presents an attempt to investigate correlation between the notions “text” and “discourse” as well as the role of text in the discourse system basing on the critical analysis of theoretical literature. The author emphasized different approaches to the discourse analysis in the French, German and Austrian, Anglo-American and Russian schools of discourse which caused difficulties in understanding the correlation between notions “text” and “discourse”. Features of the text which allow it to be an obligatory element of the discourse system are shown. Common features for both discourse and text as well as characteristics that determine their differences are distinguished.

Keywords: discourse, text, system, communicative unit, communicative function.

Одним из сложных и актуальных вопросов в современном языкознании является вопрос о роли текста в системе дискурса и соотношении этих понятий. И в отечественной, и в зарубежной лингвистике предпринимаются попытки его решения. Мнения учёных разделились: одни идентифицируют дискурс с текстом (Р. Барт, И. Беллерт, В.Г. Борботько, А.Ж. Греймас, В. Дресслер, В. Кайзер, Ж. Кур-

те, Ц. Тодоров, Р.К. Потапова, П. Хар-тманн, З. Хэррис и др.); другие воспринимают текст как элемент дискурса в соотношении «часть – целое» (В.Г. Адмони, Н.Ф. Алефиренко, В.А. Андреева, А.В. Голоднов, В.З. Демьянков, В.А. Звегинцев, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, М.Л. Макаров, В.А. Миловидов, Л.В. Селезнёва, Н.В. Петрова, Ю.С. Степанов, В.Е. Чернявская и др.); третьими текст принимается за абстрактную конструкцию, которая актуализируется в дискурсе (Н.Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, В.А. Тырыгина и др.); четвёртые интерпретируют дискурс и текст в соотношении «процесс – результат» (О.В. Александрова, М.Я. Блох, А.Ж. Греймас, М.Я. Дымарский, Е. Карабетян, Г.М. Костюшкина, Е.С. Кубрякова, Ж. Курте, П. Шародо, Е.И. Шейгал и др.). Вслед за исследователями (Н.Д. Арутюнова, Д. Буссе, А.В. Голоднов, В.З. Демьянков, А.А. Карамова, А.Н. Кудлаева, Н.И. Клушина, В.Е. Чернявская, П. Серио, В. Тойберт, У. Маас и др.) мы полагаем, что текст входит в систему дискурса. Дискурс, в свою очередь, с точки зрения его структуры, представлен совокупностью текстов определённой тематики и коммуникативной общности. Следовательно, разграничение данных смежных явлений как противопоставленных и противоречивых невозможно, особенно принимая во внимание тот факт, что большинство определений дискурса даётся через текст с учётом его отдельных характеристик, например, экстралингвистического контекста.

Цель работы – рассмотреть соотношение понятий текста и дискурса в современной лингвистике, а также определить место текста в системе дис-

курса. Для достижения поставленной цели использовался метод критического анализа теоретической литературы по данному вопросу.

Необходимо отметить, что в отношении понятия *дискурс* текст рассматривается с лингвистической, а не общесемиотической точки зрения, согласно которой он представлен в виде осмысленной последовательности любых знаков и представляет любую форму коммуникации, в том числе обряд, танец, ритуал и т. д. В языковом понимании текст – это последовательность вербальных знаков; он является, в свою очередь, коммуникативной единицей, обладающей смысловой завершённостью, т. е. представлен динамической моделью как результат дискурсивной деятельности.

Сложности в понимании того, как соотносятся понятия *текст* и *дискурс* вызваны разными проблемами современного языкознания, но прежде всего терминологическими несовпадениями, обусловленными различными подходами к изучению дискурса и методологическими базами во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах, развивавшихся практически параллельно.

Традиционно термин *дискурс* использовался в западноевропейской и американской лингвистике (*discourse analysis*), в то время как *русистика* преимущественно опиралась на категориальный аппарат лингвистики текста и функциональной стилистики. И.Б. Руберт утверждает, что изначально «лингвистика текста постулировалась как общее обозначение для любого лингвистического исследования текста (ван Дейк) письменного или устного. По этой причине текст и дискурс

рассматривались как взаимозаменяемые понятия [12, с. 24]. В силу этого «разница между лингвистикой текста и анализом дискурса не рассматривалась как принципиальная» [12, с. 24]. Что касается западного языкознания, то, по мнению Ю.С. Степанова, дискурс «первоначально означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях» [14, с. 36].

Французская школа анализа дискурса (П. Серио, М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др.), чью методологическую основу составляет структурализм, основывается в первую очередь на философском, историческом, социокультурном и политико-идеологическом исследовании дискурса, а не на собственно лингвистическом. Она ориентирована в большей мере на письменный нормативный тип тестов и противопоставляет высказывание (последовательность предложений) и дискурс (высказывание, рассматриваемое с точки зрения определяющего его дискурсивного механизма).

В рамках данного направления дискурс изначально отождествлялся с речью или речевой коммуникацией: «сложный и упорядоченный процесс или результат речевого производства» [21, с. 205]. Выделяя множество значений, с точки зрения «только собственно языковой практики», А.Ж. Греймас и Ж. Курте рассматривают дискурс в качестве объекта научной дисциплины «лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики» (*la linguistique discursive*), отмечая, что в этом случае дискурс является синонимом тексту: «...В самом деле, в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко-английскому

дискурс (русский. – прим. Н. Б.), его вынуждены были заменить термином *текст* и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*)» [7, с. 488–489].

Одновременно с этим французская школа противопоставляет дискурс и текст по следующим оппозитивным критериям: процесс – продукт, диалогичность – статичность, актуальность – виртуальность (Греймас А.Ж., Курте Ж., Д. Мэнгено, П. Шародо, Е. Карабетьян и др.).

Позднее, под влиянием идей М. Фуко, в понимание дискурса была добавлена идеологическая составляющая, не связанная с принципами устройства и понимания текстов, а также речевого производства. В итоге во французской традиции сложилось толкование дискурса как «интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социальнокультурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах» [13, с. 166].

Социолингвистические подходы представлены немецко-австрийской и американской школами, в которых исследования дискурса с семиотических и социологических позиций ведутся с точки зрения дискурсивных практик с целью выявления онтологии языка. Для немецко-австрийской школы дискурсивного анализа (Р. Водак, П. Вундерлих, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк, П. Хартман и др.), основу которой составляет концепция М. Фуко, приоритетным является языковая сторона процесса, а дискурс понимается как совокупность текстов одной тематики, выдвигая на первый план их качественный (содер-

жание), а не количественный состав, и рассматривается как языковое отображение политико-идеологической и социокультурной практики, «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность» [17, с.13]. С этой позиции У. Маас определяет дискурс как «соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определённой общественной практике» [20, с. 204], таким образом отграничивая дискурс относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и т. д.

Дискурсивный анализ американской школы (Дж. Браун, Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Г. Закс, З. Харрис, Д. Шиффрин, Дж. Юл и др.), берущей своё начало в антропологии и основанной на методологии интеракционизма, в котором лингвистика взаимодействует с социологией и психологией, ставит своей целью выявление коммуникативных намерений отправителя и получателя сообщения. В.Е. Чернявская, указывает, что при этом «дискурс отождествляется с диалогом <...> он направлен прежде всего на устную коммуникацию, на интерактивное взаимодействие говорящего и слушающего» [16, с. 69] и понимается как связная речь (connected speech). Т. ван Дейк определяет дискурс в нескольких аспектах: дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие), дискурс в узком смысле (как текст или разговор), дискурс как конкретный разговор, дискурс как тип разговора, дискурс как жанр и дискурс как социальная формация [19, с. 194].

Сам лингвист объясняет такую размытость в определении границ дискурса «как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределённостью места дискурса в системе категорий языка» [8, с. 46].

Одновременно с развитием теорий дискурса на западе в России формируется сначала лингвистика текста (как отдельная дисциплина) и, как продолжение её идей, во второй половине XX века – дискурсивный анализ. В 50-60 гг. XX века термин *текст* в отечественной лингвистике обозначал в первую очередь связанную последовательность предложений, а задачи лингвистики текста сводились к отграничению текста от других единиц, формальному описанию организации текстового целого и вычленению элементов его структуры. Вопросы противопоставления текста и дискурса в то время, так же, как и коммуникативной функции текста, не были актуальными. Только в начале 80-х гг. в отечественном языкознании появляется термин *дискурс* как синоним понятию *текст*. Так, в определении В.Г. Борботько, несмотря на указание равнозначности данных понятий, предпринимается попытка акцентировать коммуникативную направленность и смысловую целостность дискурса: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [4, с. 8]. Исследователь считает дискурсом «текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [4, с. 8].

Примерно в начале 90-х гг. в языкознании происходит смена научной

парадигмы, которая требует изучения языкового материала с точки зрения прагматики, антропоцентричности и социальности, что обусловило дальнейшее исследование как зарубежными, так и российскими лингвистами коммуникативной функции текста и его связи с речемыслительной деятельностью. Текст понимается как форма коммуникации и интерпретируется как составляющая дискурса, а дискурсивный анализ становится одним из центральных разделов лингвистики.

По мнению В.Г. Адмони, текст представляет собой «в высшей степени многообразную, закреплённую в целях своего воспроизведения, исторически и функционально изменчивую единицу социальной коммуникативно-когнитивной практики» [2, с. 209]. Из данного определения следует, что текст является единицей дискурса, а также имплицитно акцентируется единство связи «текст – дискурс», т. к. в англо-американском (критическом) анализе дискурс понимается именно как дискурсивная практика, «включающая производство и восприятие текстов и осуществляемая в рамках широкого социального контекста (социальной практики) [15, с. 110–111].

С точки зрения коммуникативности текста, необходимо отметить, на наш взгляд, наиболее удачные определения Н.С. Валгиной и Л.М. Васильева. Н.С. Валгина подчёркивает системность и целостность текста как коммуникативной единицы, состоящей из «коммуникативно-функциональных элементов, организованных в систему для осуществления коммуникативного намерения автора текста соответственно речевой ситуации» [5, с. 29]. Определение текста Л.М. Васильева от-

ражает речевую сущность текста и его существенные признаки и, так же, как и трактовка Н.С. Валгиной, не содержит ограничений по признаку формы речи (устной/письменной): «Текст – структурно организованная и по форме, и по содержанию совокупность речевых актов, характеризующаяся цельностью, законченностью и коммуникативной мотивированностью, т. е. уместностью, целесообразностью и целенаправленностью» [6, с. 20].

Как известно, текст обладает определёнными характеристиками, среди которых: 1) завершённость или смысловая законченность (возможность автономной интерпретации); 2) смысловая и грамматическая связность (когезия и когерентность), присутствующая в том числе и дистанционно; 3) стилевое единство (принадлежность одному из функциональных стилей); 4) цельность и др. Более того, сформированные лингвистикой текста требования к «текстуальности» (внешняя связность, внутренняя осмысленность и возможность своевременного восприятия) позволяют воспринимать текст как продукт индивидуального речетворческого процесса, обладающего такими свойствами, как информативность, ситуативность и интертекстуальность, а также интенциональность и адресованность (ориентированность и обращённость к адресату) – свойства текста, связанные со сферой и ситуацией общения, обуславливающие его рассмотрение с коммуникативной точки зрения и с точки зрения его принадлежности системе дискурса. В свою очередь, дискурсивное освещение всех вышеуказанных текстовых признаков, т. е. акцентирование прагматических компонентов, таких как цель общения,

адресат, отношения между субъектом и объектом и т. д., так же, как и учёт различных характеристик культурно-исторического и социально-ситуативного аспектов, обозначает переход текста из языковой системы в систему дискурса, т. е. становление текста дискурсом (в узком понимании дискурса).

На современном этапе лингвистического знания в свете когнитивно-дискурсивного подхода всё больше и больше развивается идея, по которой дискурс представляет собой сложную саморазвивающуюся и самоорганизующуюся систему. Если соотнести дискурс с речью как результатом («языковым материалом» по Л.В. Щербе), дискурс представляет собой более широкую структуру, чем просто текст, являясь именно совокупностью текстов. В этом случае отдельный текст, будучи, с одной стороны, наивысшей единицей языковой системы (с точки зрения системности языка и формально-грамматического подхода к структуре текста), не является завершающим звеном коммуникативно-речевой иерархии и выступает как минимальная иерархическая единица системы дискурса, её обязательный составной элемент, соотносящийся с определённой ментальной и коммуникативной сферой и имеющий явную смысловую нагрузку, наряду с его другими текстами, объединёнными тематической или коммуникативной общностью (в широком понимании дискурса).

С дискурсивной точки зрения, смысловые установки, передающиеся в тексте разными средствами – лексическими (частицы, дискурсивные маркеры и т. п.), синтаксическими (изменение порядка слов), фонетическими (интонация – для устных текстов), графиче-

скими (подчеркивание, смена регистра, авторская пунктуация и т. д.) – нацелены на адресата, которому необходимо интерпретировать коммуникативные интенции адресанта. Важно отметить, что смысл каждого конкретного текста, входящего в систему дискурса, не является суммой значений составляющих его языковых единиц, а представляет собой более широкое образование, осложнённое индивидуальными авторскими интенциями и экстралингвистическим фоном.

В.Е. Чернявская указывает на то, что дискурс представляет собой коммуникативный процесс, приводящий к образованию определённой формальной структуры – текста. Полисемию термина она объясняет его произвольным использованием различными исследователями или даже одним и тем же исследователем в разных ситуациях: «В зависимости от исследовательских задач дискурс в одном случае обозначает отдельное конкретное коммуникативное событие, в другом – подразумевает коммуникативное событие как интегративную совокупность определённых коммуникативных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов» [16, с. 78]. В этом случае становится возможным говорить о видах дискурса (педагогический, политический, юридический и т. д.), каждый из которых представлен совокупностью текстов различных жанров и функциональных стилей, обслуживающих определённые коммуникативные сферы в рамках данного вида дискурса. Вопрос о том, какие тексты входят в рамки конкретного дискурса, основывается на их интерпретации исследователем с учетом их

содержательно-тематических и коммуникативных характеристик.

С точки зрения коммуникативно-го процесса текст включён в систему «автор – текст – реципиент». Коммуникация в тексте представлена линейной моделью [11, с. 36–37], как процесс воздействия, процесс продуцирования сообщений и передача их адресатам [9, с.113], при этом информация через текст идёт в одном направлении: от адресанта к адресату. Дискурс же состоит из циклов, включающих такие подзадачи, как добавление, удаление и переупорядочивание, т. е. речь порождается рекурсивно [10, с. 134], что Н.Ф. Алефиренко называет нелинейностью [1, с. 3]. Более того, для дискурса типична интерактивная модель коммуникации, в которой автор и адресат взаимодействуют друг с другом посредством самого дискурса. В связи с этим интересно мнение Н.Д. Арутюновой, что, в отличие от текста, термин *дискурс* «не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [3, с. 136–137]. Следовательно, текст может быть включён в систему дискурса только в том случае, если он является результатом социально ориентированной и обусловленной коммуникативной деятельности.

Необходимо выделить общие черты, присущие и тексту, и дискурсу, такие как: структурная связность,

смысловая и коммуникативная целостность, завершённость, отражение действительности, а также намерение адресанта воздействовать на адресата. Разница в этих явлениях, на наш взгляд, – в однонаправленном воздействии адресанта посредством самого текста на адресата и взаимонаправленном воздействии участников дискурса (автора и адресата) друг на друга.

Из всего сказанного следует, что текст как продукт речи, результат индивидуальной речевой деятельности, будучи одним из элементов коммуникативной системы, реализуется в дискурсе. В свою очередь, дискурс приводит к образованию текста. Таким образом, дискурс без текста невозможен. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встаёт особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счёте – особый мир» [14, с. 44].

Вопрос о соотношении понятий текста и дискурса и, соответственно, о роли текста в системе дискурса, ещё долгие годы от своего решения. Безусловно одно: оба явления не являются противопоставленными, а входят в качестве обязательных элементов в системы друг друга, а также в систему и структуру коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алефиренко Н.Ф. Текст – дискурс – язык. [Электронный ресурс]. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/456/1/Alefirenko%20Tekst.pdf> (дата обращения: 31.07.2015).
2. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.

4. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981. 117 с.
5. Валгина Н.С. Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
6. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики: теория и методы: учебное пособие. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. 206 с.
7. Греймас А.Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. М.: Радуга, 1983. С. 483–550.
8. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Кольшикина Т.Б. Модель анализа текста и дискурса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 4. С. 113–117.
10. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г Лузина. М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.
11. Матяш О.И. Что такое коммуникация и нужно ли нам коммуникативное образование? // Сибирь. Философия. Образование: Альманах. Вып. 6. Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2002. С. 36–47.
12. Руберт И. Б. Текст и дискурс: к определению понятий // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 23–38.
13. Рыжкова Л.П. Французская прагматика. М.: URSS, 2007. 236 с.
14. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. М.: ИЯ РАН, 1995. С. 35–73.
15. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс анализ: теория и метод / Пер. с англ. / Под ред. А.А. Киселевой. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
16. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
17. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. Ст. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ. 2001. С. 11–22.
18. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 2004. 432 с.
19. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
20. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse [Текст] / U. Maas. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
21. Parret H. Prolégomènes à la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. Berne, Francfort / M., New York, Paris, 1987. P. 169.

REFERENCES:

1. Alefirenko N.F. Tekst – diskurs – yazyk. [Elektronnyi resurs]. [Text – discourse – language. [Electronic resource].] URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/456/1/Alefirenko%20Tekst.pdf> (request date 31.07.2015).
2. Admoni V.G. Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki [Grammatical structure as the build system and General theory of grammar]. L., Nauka, 1988. 240 p.
3. Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse] // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M.: Sov. encyclopedia, 1990. pp. 136–137.
4. Borbot'ko V. G. Elementy teorii diskursa [Elements of the theory of discourse]. Groznyy, 1981. 117 p.
5. Valgina N.S. Teoriya teksta: ucheb. posobie [The theory of the text: textbook manual]. M, Logos, 2003. 280 p.

6. Vasil'ev L.M. Obshchie problemy lingvistiki: teoriya i metody: uchebnoe posobie [General problems of linguistics: theory and techniques: study guide]. Ufa, RITS BashGU, 2012. 206 p.
7. Greimas A.ZH., Kurte ZH. Semiotika. Ob'yasnitel'nyi slovar' teorii yazyka [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory] M., Raduga, 1983. pp. 483–550.
8. Deik T.A.van. YAzyk. Poznanie. Kommunikatsiya / Per. s angl. [Language. Cognition. Communication / Transl. from English]. M., Progress, 1989. 312 p.
9. Kolyshkina T.B. Model' analiza teksta i diskursa [Model analysis of text and discourse] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2007. no. 4. Vol. 13. pp. 113–117.
10. E.S. Kubryakova, V.Z. Dem'yankov, YU.G. Pankrats, L.G. Luzina Kratkii slovar' kognitivnykh terminov [Brief dictionary of cognitive terms]. Philol. fac. MGU, 1996. 245 p.
11. Mat'yash O.I. Chto takoe kommunikatsiya i nuzhno li nam kommunikativnoe obrazovanie? [What is communication and communication do we need education?] Sibir'. Filosofiya. Obrazovanie: Al'manakh. [Siberia. Philosophy. Education: Almanac.]. Vol. 6. Novokuznetsk, Institut povysheniya kvalifikatsii, 2002. pp. 36–47.
12. Rubert I. B. Tekst i diskurs: k opredeleniyu ponyatii [Text and discourse: to the definition of] // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa [Text and discourse. Problems of economic discourse]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2001. pp. 23–38.
13. Ryzhkova L.P. Frantsuzskaya pragmatika [French pragmatics]. M., URSS, 2007. 236 p.
14. Stepanov YU.S. Al'ternativnyi mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti [Alternative world, Discourse, Fact, and principle of Causality] Yazyk i nauka kontsa XX veka [The language and science of the late twentieth century]. M., IYA RAN, 1995. pp. 35–73.
15. Fillips L., Iorgensen M.V. Diskurs analiz: teoriya i metod / Per. s angl. / Pod red. A.A. Kiselevoi [Discourse analysis: theory and technique / Transl. from English. / Ed. by A. A. Kiseleva]. Kharkiv, Izd-vo Gumanitarnogo tsentra, 2004. 336 p.
16. Chernyavskaya V.E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeistviya: ucheb. posobie [The discourse of power and the power of discourse: problems of speech impact: proc. manual]. M., Flinta: Nauka, 2006. 136 p.
17. Chernyavskaya V.E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as object of linguistic research] // Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. st. [Text and discourse. Problems of economic discourse: collection of scientific papers]. SPb., Izd-vo SPb. GUEF, 2001. pp. 11–22.
18. Shcherba L.V. Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [The language system and speech activity]. M., Editorial URSS, 2004. 432 p.
19. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
20. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse [Текст] / U. Maas. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
21. Parret H. Prolégomènes à la théorie de l'énonciation: De Husserl à la pragmatique. Berne, Francfort / M., New York, Paris, 1987. P. 169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бажалкина Наталья Сергеевна - кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета; e-mail: bazhalkina@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Bazhalkina – candidate of philological sciences, associate professor at the department of Foreign Languages in Moscow State Regional University; e-mail: bazhalkina@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Бажалкина Н.С. Текст в системе дискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 1. С. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Bazhalkina. TEXT IN THE DISCOURSE SYSTEM // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. № 1. P. 16–25.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-1-16-25